 Газета — 2004 — 21 апр. — с. 15

Берлиоз не попал под трамвай

Валерий Полянский подарил себе «Ромео и Джульетту»

Илья Овчинников

В прошлом году музыкальный мир отмечал 200 лет со дня рождения Гектора Берлиоза — того, с которым в романе Булгакова путают Михаила Берлиоза, «не композитора». В те дни, бывало, сочинения Берлиоза исполнялись в Консерватории по два раза в неделю — теперь они звучат куда реже. Ситуацию отчасти исправил Валерий Полянский, в день своего 55-летия продирижировавший драматической симфонией «Ромео и Джульетта».

Когда говорят о реквиеме, не называя автора, имеют в виду обычно Моцарта, хотя для кого-то номером один может оказаться реквием Верди или Дворжака. Когда речь идет о музыке по мотивам «Ромео и Джульетты», в первую очередь подразумевается балет Прокофьева, хотя у одноименного сочинения Гектора Берлиоза достоинств не меньше. Фрагменты этого опуса периодически звучат на концертах (год назад их играл Российский национальный оркестр), но целиком он исполняется нечасто. Вместе с оркестром здесь участвуют солисты и хор, и продолжительность симфонии не слишком удобна для публики. Впрочем, Валерий Полянский не думает об удобствах: трудоемкие и редкие произведения — его конек. Дирижер-юбиляр с самого начала был главным героем вечера: цветы понесли еще до того, как зазвучала музыка. Первой с букетом подошла контральто Раиса Котова; более двадцати лет назад она участвовала вместе с Полянским в московской премьере «Фауст-кантаты» Альфреда Шнитке. Дирижеру даже пришлось остановить поздравляющих, чтобы начать концерт.

В отличие от тихих и задумчивых прологов к берлиозовским шлягерам — «Фантастической симфонии» и «Гарольду в Италии» — «Ромео и Джульетту» открывает драматичная, резковатая интродукция, изображающая стычку между членами двух равно уважаемых семей. Вступающий следом хор кратко пересказывает содержание трагедии, заранее скорбя о героях. Роль хора, то комментирующего действие, то выступающего от лица массы, напоминает еще одно произведение синтетического жанра — оперу-ораторию Стравинского «Царь Эдип». Имя Стравинского вспомнилось не случайно: его раннее «Фантастическое скерцо» критика сравнивала с «Феей Маб» Берлиоза — ключевым номером «Ромео и Джульетты». Скерцо «Фея Маб, королева снов» связывает идиллическую «Сцену любви» и эпизод погребения Джульетты; эта, возможно, наиболее эффектная часть симфонии разочаровала невероятным разнобоем медных духовых. Досадно, что коллектив с немалым потенциалом часто играет не в полную силу из-за сложных материальных условий.

Зато другой центральный фрагмент — «Праздник у Капулетти» — не мог не заразить ликующим настроением; эта блестящая музыка лишь по недоразумению не имеет той популярности, которая есть у марша Мендельсона. Из солистов отметим Александра Киселева: в его исполнении ария патера Лоренцо поразила красотой, заставив в который раз оплакивать Ромео и Джульетту. О неизбежности их смерти напомнили фанфары, повторившие мелодию конфликта Монтекки и Капулетти. К патеру Лоренцо присоединился хор, и финал стал своеобразным реквиемом самой знаменитой паре на свете.

Кстати, у Берлиоза есть и реквием, вполне достойный того, чтобы считаться реквиемом номер один. После Моцарта, разумеется.

Юбилейный сезон Валерий Полянский отмечает необычайно широким репертуаром от Берлиоза до Шнитке Фотограф: Максим Коняев/Газета